

УДК 81(091)

Н. В. Зайцева

ГРАФ М. А. МИЛОРАДОВИЧ В ЖИЗНИ, ТВОРЧЕСТВЕ И СУДЬБЕ Ф. Н. ГЛИНКИ

65

Рассматриваются взаимоотношения Ф. Н. Глинки с М. А. Милорадовичем, значительно повлиявшие на судьбу и жизнь Глинки. Федор Николаевич Глинка сформировался как личность под непосредственным влиянием событий, связанных с антинаполеоновской кампанией 1805 – 1806 гг., Отечественной войной 1812 г. и заграничными походами русской армии 1813 – 1815 гг. Офицер Апшеронского пехотного полка, начинавший с прапорщика и завершивший военную карьеру полковником, писатель и поэт, летописец трех войн, редактор первого «Военного журнала» и организатор военной библиотеки, декабрист и благотворитель – вот далеко не полный «послужной список» Глинки до декабрьского восстания 1825 г., и во всех разносторонних деяниях Ф. Н. Глинки М. А. Милорадович играл значимую роль.

В статье уточняются факты, касающиеся военной службы Ф. Н. Глинки и его личных отношений с М. А. Милорадовичем. Это позволило скорректировать биографические данные Глинки, на которые опираются исследователи его общественной и литературной деятельности. Автор статьи придерживается точки зрения историка А. Г. Тартаковского, считающего, что «Письма русского офицера» не являются строгими мемуарами. Автор полагает, что «Письма» представляют собой сложную жанровую конструкцию, где документальный материал вплетен в фактуру художественно-публицистического очерка, а субъективное повествование соседствует с объективным при отсутствии между ними порой четкой границы. Кроме того, автобиография Глинки, написанная им в весьма преклонном возрасте, грешит авторскими неточностями и домыслами, которые становятся очевидными лишь в контексте сопоставления конкретных фактов, изложенных в автобиографии Глинки, его воспоминаниях и в «Письмах русского офицера», с привлечением архивных документов.

The purpose of the article is to consider the relationship between F. N. Glinka and M. A. Miloradovich, and the impact on Glinka's fate and life. As a person, Fyodor Glinka was directly influenced by the events related to the anti-Napoleonic campaign of 1805 – 1806, the Patriotic war of 1812, and the foreign campaigns of the Russian army of 1813 – 1815. An officer of the Apsheron infantry regiment, he began as an ensign and ended his military career as a Colonel, a writer and poet, a chronicler of three wars, editor of the first «Military magazine» and organizer of the military library, a Decembrist and philanthropist. This is not a complete «service record» of Glinka before the December uprising of 1825. M. A. Miloradovich played a visible role in this various acts and functions of F. N. Glinka.

The article clarifies the facts concerning the military service of F. N. Glinka and his personal relations with M. A. Miloradovich. This allowed us to correct the biographical data of Glinka, which are based on the research of his social and literary activities. The author of the article adheres to the point of view of the historian A. G. Tartakovsky, who believes that «Letters of a Russian officer» are not simply memoirs. The author believes that «Letters» have a complex genre structure, where the documentary material is woven into the texture of artistic and journalistic essay, and the subjective narrative is adjacent to the objective in the absence of a clear border between them. In addition, Glinka's autobiography, written at a fairly old age, is full of author's inaccuracies and conjectures, which become apparent only in the context of comparing the specific facts set out in the autobiography and in the «Letters of a Russian officer», with the involvement of archival documents.

Ключевые слова: Ф. Н. Глинка, М. А. Милорадович, «Письма русского офицера», адъютант, декабрист, формулярный список.

Keywords: F. N. Glinka, M. A. Miloradovich, «Russian Letters officer», the adjutant, the Decembrist, the record of service.

Федор Николаевич Глинка — оригинальный русский поэт, публицист, прославленный боевой офицер, яркий представитель раннего декабризма, активный общественный деятель с высокой гражданской позицией и своеобразный мыслитель XIX в. — относится к той когорте русских офицеров, для которых 1812 г. стал поворотным в развитии их самосознания, в силу чего они часто называли себя «детьми 1812 года». Важную роль в его жизни и судьбе сыграл М. А. Милорадович, выдающийся полководец, генерал от инфантерии, военный генерал-губернатор Петербурга и член Государственного совета при российском императоре.

К моменту личного знакомства Ф. Н. Глинки с Милорадовичем за плечами 35-летнего генерала было участие в Шведско-русской войне, в Итальянском и Швейцарском походах. Начав свою военную карьеру с прапорщика, генеральский чин любимец Суворова получил в 27 лет. Одновременно он был назначен шефом Апшеронского 81-го пехотного полка, который по распоряжению Павла I получил название «мушкетерский генерал-майора Милорадовича». В него после окончания Первого кадетского корпуса в чине прапорщика был определен Федор Глинка.

Два взаимосвязанных события на момент формирования личности Глинки в стенах кадетского корпуса и по выходе из него оказали огромное влияние на его жизнь. Об этом Глинка пишет в своих воспоминаниях, подчеркивая их основополагающее значение. Первое событие связано с появлением на последнем курсе кадетского корпуса нового катехизатора (учителя закона Божьего) Михаила. По свидетельству Федора Николаевича, семена, брошенные красноречивым оратором в его душу, «пришлись по земле и скоро дали росток. В течение нескольких месяцев поведение многих кадет стало принимать совсем особый характер» [6, с. 41]. Прощаясь с кадетским корпусом, Глинка, как и другие кадеты-выпускники, под воздействием бесед Михаила дал обет «не

кривить никогда душою, говорить всегда правду» [6, с. 41, 42]. Характерно, что именно на признании этих условий Ф.Н. Глинка согласился впоследствии стать адъютантом генерала М. А. Милорадовича. Встреча с ним стала для Глинки вторым событием, которое существенно повлияло на его судьбу.

Согласно формулярному списку Ф.Н. Глинки, его зачисление в Апшеронский пехотный полк «по личному распоряжению Его Императорского Высочества Цесаревича Константина Павловича» состоялось в 10 июня 1802 г. [26, л. 12 об. — л. 13] после завершения учебы в Первом кадетском корпусе, который на то время квартировался в Волыни. В своих воспоминаниях Глинка пишет, что впервые о графе Милорадовиче он со своими сотоварищами — пятью прапорщиками, такими же выпускниками-кадетами — услышал в Киеве. Через него они ехали к месту своего назначения. «Там знали этого молодого генерала, — вспоминал Глинка, — одного из русских героев в Италии — обвешанного крестами (тогда это было редко!), пылкого на войне, любезного и даже пленительного в обхождении с прекрасным полом. Но еще более подробностей узнали мы о нем, проезжая Волынь. Там гремели обе его славы — военная и разгульная. <...> Много было патриархального в тогдашней военной жизни. Офицеры любили Милорадовича, а солдаты — обожали». «Новоприбывших» представили Милорадовичу, а затем разместили по ротам [5, с. 373—374].

Личным «полковым адъютантом» Милорадовича с одновременным производством в чин поручика Глинка был назначен 11 сентября 1806 г. [26, л. 12 об. — л. 13]¹. За четыре года пребывания в полку в жизни юного офицера много чего произошло. Первый год Глинка прожил «в степи», в хате волынского крестьянина, без книг и без общества, «сущим анахоретом». Именно тогда, намекает Глинка, случились некоторые обстоятельства, «и мелочные и важные, сблизившие его с Милорадовичем». Но Глинка не стал «описывать» всех этих обстоятельств, остановившись на одном, самом важном, — визите к Милорадовичу, который случился ранней осенью 1803 г.

Инициатива исходила от самого генерала, потребовавшего Глинку к себе прямо с несения караула. Милорадович принял его в своем кабинете, пожелав с ним лично познакомиться по рекомендации полковника Инзова. Он попросил Глинку почитать ему книгу на французском языке, сославшись на больные глаза, простуженные в горах Италии. Чтение Глинки Милорадович временами прерывал, заводя разговор. «При сей верной оказии, — пишет Глинка, — я выгружал все, чем наделило меня корпусное ученье, по части истории и географии. Мы говорили также о войне и политике, касались даже предметов философии. Школьные познания тогда еще были свежи в памяти моей. <...>

¹ А.К. Жизневский в биографии Глинки указал 11 сентября 1806 г. как день, в который Глинка вышел в отставку. Но это утверждение противоречит записи в формулярном списке. Согласно этому списку, Глинка уволился из армии 18 сентября 1806 г., то есть личным адъютантом Милорадовича («полковым адъютантом») в военной кампании 1805—1806 гг. он пробыл всего лишь неделю.

“Я очень вами доволен, — сказал генерал. — Приходите завтра обедать; мы познакомимся короче”» [5, с. 383—384]. Очевидно, именно с этого момента Глинка с Милорадовичем стали сближаться.

Спустя два года началась антинаполеоновская военная кампания 1805—1806 гг. Ф.Н. Глинка, принимавший в военных событиях самое непосредственное участие, «в мимолетные часы досуга» записывает свои впечатления «от трудного, почти безостановочного похода». Эти «походные записки» потом легли в основу «Писем русского офицера о Польше, Австрийских владениях и Венгрии: С подробным описанием похода россиян противу французов, в 1805 и 1806 годах». В составе Апшероновского полка Глинка принял свой первый бой в битве при Браунау 24 октября 1805 г., где, находясь на передовой, чуть не погиб. Милорадович выделил храброго подпоручика (в этот чин Глинка был переведен в 1803 г.), взяв его с собой посмотреть защиту переправы через реку Энс во время «ретирады» русских войск от Браунау до Кремса [11, с. 12]. Глинка со своими сотоварищами по полку, прорвавшими передовую оборону французов и доставшими «победу концом своего штыка», 30 октября принимал участие в следующем бою. А 31 октября он записывает: «Вчерашний день был я окружен тысячею различных смертей, видел беспрестанно лиющуюся кровь, слышал свисты пуль — и остался жив» [11, с. 13]. Ходил Глинка в штыковую атаку и в сражении при Аустерлице.

Очевидно, Милорадовичу не мог не импонировать храбрый молодой офицер, прямой и честный в своих высказываниях, интересный собеседник. Сам генерал был человеком образованным. Милорадович отучился четыре года в Кёнигсбергском университете под руководством Канта, два — в Гёттингенском, после чего в Страсбурге и Меце он закреплял свои военные знания по фортификации и артиллерии. Спустя без малого сорок лет, Глинка в своих воспоминаниях поведал о том, почему Милорадович проявил настолько большую заинтересованность в нем, двадцатилетнем подпоручике, что настойчиво предложил стать ему его личным адъютантом.

Это важное для судьбы Глинки событие произошло в одном из городов Польши, где стояли русские войска. В своих воспоминаниях, посвященных Милорадовичу (третий отрывок), он пишет о балах в «редутах» («так назывались дома собрания в городе», — объясняет Глинка), где русские офицеры, погруженные в «обаятельную стихию беспечности», «с молодостью в жилах... плясали до утренней зари, потом шли на развод, на парад, и делали свое дело». На одном из таких балов, «откружась в вальсе», Милорадович, завидя Глинку, стал его ловить, и, прижав к стене, «начал зазывать к себе в адъютанты». Глинка стал решительно отговариваться и отнекиваться. Милорадовича это удивило и даже немного рассердило, он потребовал объяснений. «Ваше Превосходительство! — стал объяснять Глинка, — в полку носится молва, что вы требуете от своих адъютантов, чтобы они забавляли вас рассказами о том, что говорится и делается в застольных и вечерних беседах офицерских; говорят, что вы любите приветное слово на счет ваш и колкое

насчет других... Меня в короткое время полюбили в полку и признаюсь, не хотелось бы мне сделаться вдруг человеком, перед которым станут дичиться товарищи!» В ответ он услышал от генерала: «“Те, которые сами напрашивались ко мне, не зная, чем занять меня, приносили всякие дразги и делали из себя полковую газету. Мне гораздо интереснее, когда мне что-нибудь интересное читают; я люблю слушать книгу и говорить о деле. Я сам люблю правду”. Так я был назначен полковым адъютантом» [6, с. 45–46].

Глинка подал в отставку 18 сентября 1806 г. Болезненный от природы, он серьезно расстроил свое здоровье «тридцатисуточным денноночным походом от Браунау до Аустерлица, ночлегами на сырой земле, к которой примерзала одежда, недостатком в пище» [10, с. 7]. «За службу» Милорадович подписал ему «одобрительный аттестат» [2]. Федор Николаевич отправился в свое родовое имение, располагавшееся в Сутоках Духовщинского уезда Смоленской губернии, где обустроился на 6 лет. Местным сословием дворян 30 января 1807 г. он был избран сотенным начальником смоленского ополчения [26, л. 12. об. — л. 13].

Еще будучи на военной службе, Глинка неожиданно почувствовал тягу к творчеству, но только выйдя в отставку он начал пробовать писать. Первым его стихотворным опытом стало стихотворение «Глас патриота», напечатанное в Смоленске «по случаю народного ополчения 1807 года» [10, с. 6]. Далее Глинка публиковал в журнале своего брата С. Н. Глинки «Русский вестник» несколько стихотворений патриотического содержания, среди которых были пространные «Стихи Его Превосходительству Михайле Андреевичу Милорадовичу» (1808). В них в духе «бурных» ломоносовских од Глинка не только воспел «героя отечества», но и набросал краткий очерк военных подвигов генерала, разъяняя в сносках поэтически зашифрованные места. В этих стихах он выразил также личную признательность Милорадовичу за его «благость» по отношению к нему и «ласки», которыми он его «ободрял» [9]. Михайлу Андреевичу Милорадовичу он посвящает и свою трагедию «Вельзен, или Освобожденная Голландия», которую он завершил все в том же 1808 г. (под посвящением Милорадовичу стоит дата 15 сентября 1808 г., что дало право исследователям атрибутировать окончание написания трагедии указанным годом). В 1810 г. трагедия «Вельзен» была издана, если судить по предисловию, в количестве 600 экземпляров, из которых на благотворительные цели предназначалось 500 экземпляров [4, с. 311].

Советскими исследователями глинковский «Вельзен» был признан ранним памятником декабристской литературы [1, с. 92; 4, с. 306; 15, с. 89; 17, с. 214]. В подобном определении видится идеологическая установка, так как эта пьеса Глинки не содержит декабристских идей — на их становление и формирование оказали определяющее влияние события Отечественной войны 1812 г. и заграничные походы русских войск 1813–1814 гг. А эти события были еще впереди. Трагедия Глинки по своему содержанию и проблематике в полной мере вписывается в контекст просветительской политической трагедии конца последней трети XVIII в., где борьба с тираном, узурпатором власти является «общим

местом» («Димитрий Самозванец» А.П. Сумарокова, 1770; «Сорена и Замир» Н.П. Николева, 1785; «Вадим Новгородский» Я.Б. Княжнина, 1789). При этом авторы тираноборческой трагедии ни в коей мере не посягают на «священность» самодержавной власти как таковой. Речь в их произведениях идет именно о тирании как нарушении «разумной нормы».

«Вельзен» Глинки заряжен теми же идеями, что и трагедии его предшественников, по отношению к которым он, начинающий писатель, выступил учеником. Это борьба истинного патриота Голландии, воплощенного в вожде восстания Вельзене, с тиранией, которую в пьесе представляет «похититель голландского престола» злодей Флоран. Аллюзионность, присущая политической трагедии ощущалась современниками и в «Вельзене». Образ тирана Флорана наводил на мысль о современном «узурпаторе» Европы Бонапарте, а посвящение Милорадовичу, герою недавних битв против Наполеона, проводило отчетливую параллель между русским генералом и патриотом Вельзеном, борющимся за правое дело.

Пребывая в отставке, Глинка начинает приводить в порядок свой дневник походных впечатлений, навеянных событиями 1805–1806 гг. Он оформляет его в виде «писем» — жанра, получившего в России огромную популярность благодаря «Письмам русского путешественника» Н.М. Карамзина. В 1808 г. в Москве выходят первые три части «Писем русского офицера», имевшие ошеломляющий успех у читателей и получившие благожелательные отзывы у критики. Среди почитателей литературного таланта был и сам М.А. Милорадович. В декабре 1809 г. Глинка получает от него теплое письмо (генерал в это время служил в Бухаресте, что не мешало ему следить за отечественными книжными новинками). Это письмо послано Милорадовичем в ответ на послание Глинки: «Я с наичувствительнейшей благодарностью читал дружеское письмо Ваше и с большим восхищением. Поведение ваше касательно меня столь редкое, что только одному Вам, любезному нраву Вашему может быть свойственно. Я чувствую всю цену сему, почитая и любя Вас с давнего уже времени. Письма русского офицера столь же милы, как их сочинитель, я читал их с сугубым удовольствием, припоминая прошедшее и приятного моего сотоварища» [22, л. 1].

Война застает Глинку в родовом имении. В гражданском платье, без документов (они сгорели вместе с отцовским домом, который захватили французы), он присоединяется к отступающим русским войскам. В своей краткой автобиографии, написанной спустя 50 лет, он отметил, что его отъезд из Суток был связан с тем, что Милорадович лично вызвал его «собственноручным письмом, по нарочной эстафете... на службу» [10, с. 7]. В это время генерал под Калугой формировал полк для действующей армии.

Между тем, версия о «личном вызове» Глинки к Милорадовичу опровергается самим же Глинкой в его «Письмах русского офицера», написанных по горячим следам событий. В записи от 1 октября, которую он сделал, уже находясь в Тарутинском лагере, он сообщает: «Я приехал сюда также с тем, чтоб непременно определиться в полк. Но мне

надо было найти генерала, который, зная прежнюю мою службу, принял бы бедного поручика хотя тем же чином, несмотря на то что все свидетельства и все аттестаты его остались в руках неприятеля и что на нем ничего более не было, кроме синей куртки, сделанной из бывшего синего фрака, у которого от кочевой жизни при полевых огнях полы обгорели. Я пошел к генералу от инфантерии Милорадовичу, живущему в авангарде впереди Тарутинской позиции. Он узнал меня, пригласил в службу; и я уже в службе — тем же чином, каким служил перед отставкой и каким отставлен, то есть поручиком, имею честь находиться в авангарде, о котором теперь гремит слава по всей армии» [8, с. 40].

«Письма русского офицера» также опровергают и утверждения некоторых исследователей о том, что Глинка по пути в Тарутино, куда он следует «волонтером» вместе с отступающими войсками, рядом с простыми солдатами выполняя «все солдатские обязанности и ходит в бой как рядовой. <...> В этом звании он участвует и в Бородинском сражении» [16, с. 313—314; 19, с. 166; 28, с. 35—36]. Но ни в «Письмах...», ни «Автобиографии» Глинка не сообщает о своем участии в боевых действиях до того момента, пока он не прибывает в Тарутино. А до этого момента он пока еще не участник боев, а зритель, летописец событий. В «Автобиографии», где он о себе пишет в третьем лице, Глинка прямо говорит: «Он видел и описал отражение и пожар города Смоленска», а на поле Бородина, «находясь на главной батарее подле Кутузова, видел и описал картину исполинской битвы Бородинской» [10, с. 7]. Все это вполне соответствует дневниковым записям «Писем русского офицера», где он подробно описывает, как он добирался в Тарутино. И только здесь он принимает свой первый бой после военной кампании 1805—1806 гг. Об этом он сообщает в записи от 7 октября: «После шести мирных лет я опять был в сражении, опять слышал шум ядер и свист пуль» [8, с. 41]. Речь здесь идет об участии Глинки в удачной для русских войск масштабной «ночной экспедиции при разбитии авангарда короля Неаполитанского» [26, л. 13—14], руководимой генералом Беннигсеном, в которой «генерал Милорадович командовал частью пехоты, почти всю кавалерию и гвардию» [8, с. 41].

Согласно формулярному списку, 1 октября 1812 г. Ф.Н. Глинка «по случаю Отечественной войны вступил паки в военную службу» и был назначен в Апшеронский пехотный полк «шефским адъютантом» [26, л. 13. об.-л. 14], то есть личным адъютантом Милорадовича. Скорее всего, эта запись была сделана задним числом. Это подтверждают два рапорта, хранящиеся в Российском государственном военно-историческом архиве. Первый рапорт Ф.Н. Глинки от 5 октября 1812 г. составлен им на имя Александра I, в нем он просит государя вновь определить его в Апшеронский мушкетерский полк [12, с. 148—149]. Второй рапорт М.А. Милорадовича от 10 октября 1812 г. адресован генерал-фельдмаршалу М.И. Кутузову, где генерал поддерживает прошение Глинки и дает ему блестящую аттестацию как «отличному и достойному офицеру» [20, с. 149]. Вполне возможно, что именно участие Глинки в «ночной экспедиции» в ночь с 6 на 7 октября сыграло определяющую роль в

том, что Милорадович ходатайствует за восстановление Глинки в качестве его личного адъютанта. С этого момента Глинка находится в авангарде полка Милорадовича, где «кроме повседневных сшибок» с врагом участвует в сражениях при Вязьме (22 октября) и Дорогобуже (26 октября). После чего в преследовании неприятеля «фланговым маршем до города Красного» он принимает бой с противником при деревне Ржавке (3 ноября), селах Аверлине и Уварове (4 и 5 ноября), 6 ноября участвует в сражении за город Красное, а далее в составе полка преследует неприятеля через Борисов до рек Березина и Неман [26, л. 14]. Потом будут Польша, Силезия, Саксония, участие в генеральном сражении при городе Баутцене (7–8 мая 1813 г.).

Изложение глинковедами биографических данных Федора Николаевича, фиксирующих его участие в заграничном походе русских войск, весьма противоречиво. И связано это с тем, что многие исследователи рассматривают «Письма русского офицера» как сугубо мемуарный документальный источник, а потому выстраивают биографию Глинки, следуя канве повествования «Писем». Исходя из этого, ряд биографов и исследователей творчества Ф. Н. Глинки утверждает, что в зарубежном освободительном походе он вместе с М. А. Милорадовичем дошел до Парижа [13, с. 181; 14, с. 5; 18, с. 7; 23, с. 157].

Между тем Тартаковский, погрузившийся в текстологическое изучение глинковских «Писем», первым обратил внимание на то, что они не являются мемуарами в строгом смысле этого слова, а являются собой очень сложную структуру, что нивелирует их тотальную документальность [25, с. 197–201]. Опираясь, в первую очередь, на письма Ф. Н. Глинки к А. И. Михайловскому-Данилевскому (от 3 ноября 1813 г.) и А. Я. Булгакову (от 18 февраля 1814 г.), а также на письмо Михайловского-Данилевского к Глинке (от 25 июня 1814 г.), исследователь приходит к выводу, что «Глинка проделал только зимне-весеннюю кампанию 1813 г. и еще до окончания перемирия, в июле, отправился из Рейхенбаха на родину. В начале сентября он прибыл в Смоленск, поселившись в своем имении, и оттуда наезжал в Москву... <...> И лишь во второй половине марта 1814 г., уже после заключения Парижского мира, Глинка выехал из России в европейские страны, к тому времени освобожденные от наполеоновского господства, в июне 1814 г. добрался до Парижа, где застал русские войска готовящимися к возвращению на родину, пробыл здесь несколько недель, двинулся в обратный путь, вернувшись снова в Россию летом 1814 г. <...> ...В летние месяцы 1815 г., в связи с открытием военных действий против Наполеона, Глинка снова в рядах армии, участвуя в кратковременном походе гвардейского корпуса, двинутого из Петербурга на помощь союзным войскам, но остановленного в Вильне» [25, с. 192]. Это подтверждается и формулярным списком, где зафиксировано, что Глинка «Из города Рейхенбаха во время перемирия с неприятелем командирован был в Россию вследствие предписания данного от начальника штаба Авангардных войск от 19 июня 1813 года за номером 451. <...> ...И при вторичном походе с Гвардиею доходил чрез Литву до города Вильны и обратно до С. Петербурга» [26, л. 17, 18].

В это время Глинка продолжал состоять на военной службе. Он получил чин штабс-капитана 10 августа 1815 г., а 1 февраля 1816 г. его перевели в «лейб-гвардии Измайловский полк, с назначением состоять при гвардейском штабе», который после заграничного похода с октября 1815 г. располагался в Петербурге. Чин капитана ему дают 30 июня 1816 г., а через полтора года, 20 января 1818 г., — полковника. Непосредственным начальником Глинки на тот момент являлся командир полка генерал-лейтенант М. Е. Храповицкий.

Слава Глинки-литератора росла. В 1815—1816 гг. выходят 8 частей его «Писем русского офицера», диапазон которых значительно расширен за счет «мирных» и «военных» впечатлений автора от событий «Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 год». Материалы первой книги, вышедшей в 1808 г., уложились здесь меньше, чем в одну часть. Многие военные и мирные события поданы Глинкой в «Письмах» сквозь призму деяний М.А. Милорадовича². В 1818 г. журнал «Сын Отечества» (ч. 45, 46) напечатал подборку военных стихотворений Глинки, среди них «Авангардные песни», героем которых выступил Милорадович, летящий перед строем «вихрем на коне» и ведущий русских воинов к победе. Эти песни, положенные на известные мотивы, распевали не только среди простого народа, но и в петербургских салонах. Сам Глинка «сверх обыкновенных занятий по службе» исполнял в Измайловском полку «особенные поручения», среди которых — издание «Военного журнала», учрежденное «Обществом военных людей» при штабе Гвардейского корпуса, действительным членом которого он является.

М.А. Милорадович 19 августа 1818 г. был назначен военным генерал-губернатором Санкт-Петербурга с обязанностью «ведать» политическим сыском в столице. Спустя семь месяцев, 11 марта 1819 г., по «высочайшему повелению» Ф.Н. Глинка был переведен (с сохранением звания, оклада и права ношения прежнего мундира) в распоряжение военного генерал-губернатора и стал заведующим его канцелярией, а также чиновником по особым поручениям. О новых деликатных обязанностях Глинки в формулярном списке записано следующее: «Сверх того употребляем был с сведением и по повелению Государя Императора к производству исследований по предметам заключающим в себе важность и тайну, и был Старшим с Высочайшего следователем в особенной следственной комиссии; также находился у приема прошений» [26, л. 14 об. — л. 15].

За «высочайшим повелением», конечно, стояло личное ходатайство Милорадовича, который хотел видеть Глинку возле себя в качестве собеседника, помощника и сотрудника. После того как в «заграничной» войне 1813—1814 гг. их пути разошлись, оба они вели активную пере-

² В 1814 г. Глинка также издал книжку «Подвиги графа Михаила Андреевича Милорадовича в Отечественную войну 1812 года, с присовокуплением некоторых писем разных особ», в которой он воспел военные доблести генерала. В 1818 г. он опубликовал «сочиненное» им же «Краткое обозрение военной жизни и подвигов графа Милорадовича».

писку; Глинка выполнял какие-то личные поручения Милорадовича вроде покупки и пересылки картин и книг. Зная о стесненном финансовом положении Глинки и желая его личного присутствия в своей жизни, Милорадович из Санкт-Петербурга написал 11 декабря 1814 г. к Ф. Н. Глинке большое письмо, в котором, помимо всего прочего, сообщил, что «нанял здесь прекрасный и обширный дом, в котором и для вас квартира готова» [22, л. 3]. Когда в 1818 г. Глинка перешел на службу к Милорадовичу, ему была по распоряжению генерала предоставлена бесплатная квартира на Театральной и дрожки из придворных конюшен для разъездов, хотя по служебному положению все это ему не полагалось.

Период пребывания Глинки на службе у генерал-губернатора Милорадовича являлся одним из самых изученных в его биографии и, вместе с тем, одним из самых запутанных и непроясненных. Сам Глинка обычно избегал рассказывать об этом этапе своей жизни, связанной с деятельностью декабристов. «В то время он, — пишет В. Ф. Шубин, — активный участник чуть ли не всех столичных обществ: “Зеленой лампы”, Ланкастерского, “состроителей”, масонской ложи “Избранный Михаил”. В 1818 г. он стал фактическим руководителем Общества состроителей и, можно сказать, его душой» [27, с. 121]. На этом поприще Глинка активно занимался благотворительностью и филантропической деятельностью. Известно, что настойчивое заступничество Глинки перед Милорадовичем за попавшего в опалу Пушкина, подвигло генерал-губернатора лично просить Александра I за опального поэта, и ссылка Пушкина на Соловки или в Сибирь была заменена его переводом по службе на Юг.

В. Г. Базанов, изучивший объемный корпус материалов по декабристскому движению и по деятельности Ф. Н. Глинки, выдвинул предположение, что «чиновник по особым поручениям» Глинка был при Милорадовиче «организатором декабристской “контрразведки”» [3, с. 207–208, 321]. «Контрразведывательная» деятельность Ф. Н. Глинки, по мнению исследователя, выражалась в выявлении и нейтрализации (с помощью М. А. Милорадовича) доносов и действий доносчиков (А. Н. Роннова, В. Н. Каразина, М. К. Грибовского и др.) и в своевременной информации своих коллег по «Обществу» о грозящей им опасности. В своем утверждении исследователь ссылается на воспоминания М. А. Фонвизина, а также на показания С. П. Трубецкого, В. И. Штейнгеля и К. Ф. Рылеева, данные ими во время следствия. Сам же Глинка, давая в Следственном комитете показания, настаивал на том, что его «сношения» с подследственными осуществлялись лишь по линии «словесности, а с некоторыми по встречам в домах». Свою же неосведомленность о «тайном обществе» и намерениях его членов он связал с тем, «что они считали меня принадлежащим полиции по частым моим сношениям с графом Милорадовичем» [24, с. 96].

Ища в Милорадовиче союзника, Глинка не всегда получал его поддержку. Так случилось, например, в его столкновении с правителем канцелярии Милорадовича В. Н. Геттуном, взяточником и продажным

чиновником, которому, тем не менее, генерал-губернатор благоволил и верил, по его словам, «как пророку». Шубин отмечает, что «по-видимому, неудачная попытка разоблачения Геттуна привела к ухудшению отношений Глинки и Милорадовича осенью 1820 года» [23, с. 158]. Очевидно, уже тогда Глинка предпринял первую попытку уйти от Милорадовича, который на тот раз сумел его уговорить остаться. Об этом, в частности, А.И. Тургенев из Петербурга сообщает князю Вяземскому в своих письмах: «...Милорадович грозит ему (Глинке. — Н. З.) за то, что не хотел служить при нем» (от 8 сентября 1820 г.); «Он опять при графе Милорадовиче, который ласками, извинениями, но более всего пользою службы убедил его остаться при нем» (от 6 октября 1820 г.) [21, с. 62, 84].

Спустя год произошла очередная размолвка. Внешним поводом послужили дрожжи, которые были отобраны у Глинки под предлогом того, что по его недогляду они были сломаны. Это «неправое обвинение» он принял как личное оскорбление. В своем полном обиды послании Глинка попросил отставки от должности и перевода его армейским полковником, что позволило бы ему, по его словам, отправиться «в такую губернию, где можно жить дешево и поправить здоровье» [23, с. 161]. Глинка согласно его «прошению» 5 июня 1822 г. был переведен из гвардии в армию с «с сохранением жалованья и прочего по чину полковника» [26, л. 15 об. — л. 16]. При этом он лишился служебной квартиры и других привилегий «чиновника по особым поручениям» при Милорадовиче.

Но расстался ли по службе Глинка с Милорадовичем? Этот вопрос остается открытым. Шубин считает, что Глинка продолжал выполнять отдельные поручения Милорадовича, среди которых, в частности, была разработка «Проекта Записки о смягчении наказаний за воровство во всех его видах», которую Шубин обнаружил в архиве Н.С. Мордвинова с припиской «Сия записка составлена по воле высшего начальства бывшим гвардии полковником Ф. Глинкою в 1822 г.». Опираясь на архивный материал, исследователь указывает на то, что сохранились и личные отношения Глинки и Милорадовича [23, с. 159–160]. Также из следственного дела известно, что Глинка утром 14 декабря 1825 г. в 9 часов был у графа Милорадовича, «от коего услышал, что вся гвардия присягнула и что все спокойно», потом после 12 часов пешком отправился к Дворцовой площади, где узнал о ранении Милорадовича. Остаток дня он провел в конногвардейской казарме, куда отнесли смертельно раненого генерала. Туда же Глинка поспешил рано утром на следующий день, где узнал, что Милорадович скончался, и что тело его перенесли на его квартиру. Глинка поспешил туда, чтобы отдать дань памяти погибшему генералу. На следствии он плача говорил: «Я... вошел в траурную комнату. Покойный уже лежал на столе, как живой. Я подошел, поклонился, поцеловал руку и зарыдал... Мне вспомнились те счастливейшие минуты его цветущей жизни и моего детства, когда я, придя к нему еще мальчиком (из корпусу по 14-му году), возрастал при нем постепенно, как и его слава... Когда я видел сего героя, сего верного слугу, который служил и прямил государю, блестящим в

лучших обществах Польши, бесстрашным на войне, с умом, который не всегда показывал, но которому иногда очень удивлялись, с детским сердцем, веселым на волшебных празднествах, которые давал среди оружия и в поле, и с той безоблачной душою, каковой уже не видала в нем столица сия...» [24, с. 96, 129].

Спустя много лет Н. Ф. Глинка в воспоминаниях, опубликованных на страницах «Московитянина», именно таким и представил «своего знаменитого генерала»³. «Золотая старина» из дальних сороковых годов превращалась в «свиток, исписанный радужными чернилами» [6, с. 42], а молодой генерал Милорадович на фоне этой «золотой старины» предстал перед читателями во всем своем дружелюбном обаянии, пылкости и душевной предрасположенности к людям, которых он любил и ценил.

Список источников и литературы

1. *Архипова А. В.* Литературное дело декабристов. Л., 1987.
2. *Аттестат*, выданный М. А. Милорадовичем отставному Апшеронского мушкетерского полка поручику Ф. Н. Глинке. 26 ноября 1806 // РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 472. Л. 1.
3. *Базанов В. Г.* Ученая республика. М. ; Л., 1964.
4. *Бочкарев В. А.* Русская историческая драматургия начала XIX века (1800—1825) // Ученые записки Куйбышевского педагогического института. Куйбышев, 1959. Вып. 25. С. 306—324.
5. *Глинка Ф.* Мои воспоминания о графе Михайле Андреевиче Милорадовиче // *Московитянин*. 1841. Ч. 2, №4. С. 372—384.
6. *Глинка Ф. Н.* Взгляд на прошедшее. 1-й кадетский корпус. Волынь и дальнейшие сношения мои с Милорадовичем // *Московитянин*. 1846. Ч. 2, №2. С. 33—46.
7. *Глинка Ф. Н.* Письмо к Блудовой Антонине Дмитриевне 1854 г. // НИОР РГБ. Шифр: Ф-359.М-8228—20
8. *Глинка Ф.* Письма русского офицера, о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием Отечественной и Заграничной войны с 1812—1815 год : в пяти частях. М., 1870.
9. *Глинка Ф. Н.* Стихи его Превосходительству Михайле Андреевичу Милорадовичу // *Собрание стихотворений о графе Милорадовиче*. Киев, 1870. С. 9—11.
10. *Глинка Ф.* Избранное. Петрозаводск, 1949.
11. *Глинка Ф.* Письма русского офицера (извлечения) // *Декабристы*. Проза. Литературная критика. Т. 2. Л., 1975. С. 7—74.
12. *Глинка Ф. Н.* Прошение отставного поручика Ф. Н. Глинки на имя Императора Александра I // *Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. : альманах*. Т. 7. М., 1996. С. 148—149.
13. *Греков В. Н.* Глинка Федор Николаевич // *Русские писатели : биобиблиографический словарь* : в 2 ч. Ч. 1. М., 1990. С. 181—182.

³ «Знаменитым генералом моим» назвал Глинка Милорадовича в своем письме к А. Д. Блудовой, в котором он просит ее 100 экземпляров стихотворения «Ура!», написанном на подвиги русских солдат в Крымской войне, послать сербам; в их судьбе графиня, по словам Глинки, принимала «благородное, деятельное и теплое участие». Этот порыв Глинки был связан с памятью о Милорадовиче, который «был родом серб» [7].

14. *Жизневский А. К.* Федор Николаевич Глинка. Тверь, 1890.
15. *История русского драматического театра* : в 7 т. М., 1977. Т. 2.
16. *Карпец В.* «И мне равны и миг, и век...» // Глинка Ф. Сочинения. М., 1986. С. 309–328.
17. *Королева Н.* Декабристы и театр. Л., 1975.
18. *Кошелев В. А.* Рассуждение о необходимости деятельной жизни // Литература в школе. 1997. №4. С. 4–18.
19. *Максимов Е.* «Вот мчится тройка удалая...» // Русь. 1992. №3. С. 163–173.
20. *Милорадович М. А.* Рапорт генерала от инфантерии М. А. Милорадовича генерал-фельдмаршалу Кутузову М. И. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. : альманах. Т. 7. М., 1996.
21. *Остафьевский архив:* Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1820–1823. Т. 2. СПб., 1899.
22. *Письма М. А. Милорадовича к Ф. Н. Глинке.* На русском и французском языках. 13 декабря 1809 – 11 апреля 1822 <1810–1820-е> // РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 330. Л. 19.
23. *Письмо Ф. Н. Глинка к М. А. Милорадовичу* (публикация и вступительная статья В. Ф. Шубина) // Русская литература. 1986. №2. С. 156–164.
24. *Следственное дело Ф. Н. Глинка* // Восстание декабристов. Документы и материалы. Т. 20. М., 2001. С. 93–508.
25. *Тартаковский А. Г.* К изучению текста «Писем русского офицера» // Источниковедение отечественной истории: сборник статей. 1981. М., 1982. С. 190–208.
26. *Формулярный список о службе и достоинстве Советника Олонецкого губернского правления, Коллежского Советника и Кавалера Федора Николаева сына Глинка.* 1830 года. Копия // ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 754. Архив Ивана Александровича Иванова. Л. 12–20.
27. *Шубин В. Ф.* Поэты пушкинского Петербурга. Л., 1985.
28. *Ястребова Н. Г.* Народно-поэтические истоки творческой индивидуальности Ф. Н. Глинка : дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2005.

Об авторе

Наталья Валерьевна Зайцева – учитель истории, школа №402 им. Алии Молдагуловой г. Москвы, Россия.
E-mail: zajtseva2019@mail.ru

The author

Nataly V. Zaytseva, teacher of history, Aliya Moldagulova school №402, Moscow, Russia.
E-mail: zajtseva2019@mail.ru